

**РУССКАЯ
КРАСАВИЦА**

Читайте исторические любовные романы

Елены Арсеньевой

в серии «Русская красавица»:

Тайная жена

•

Страстная-опасная

•

Нечаянная свадьба

•

Любовный водевиль

•

Сёстры-соперницы

•

Северная роза

•

Виновница страстей

•

Свет мой ясный

•

Крепостная графиня

•

Роковая вдова

Елена
Арсеньева

Рокковая вдова

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Художественное оформление серии *Е. Анисиной*

В оформлении переплета использована репродукция картины «Портрет Сары Дженнингс, герцогини Мальборо, супруги Джона Черчилля» (1823 г.) художника Уильяма Дерби (1786—1847)

Ранее книга выходила под названием «Краса гарема»

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Роковая вдова : [роман] / Елена Арсеньева. —
Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-107762-4

Маша Любавинова совсем недолго пожила в браке — и ее супруг погиб на войне. Вдовой она тоже побыла недолго — и вот теперь Маша наложница в гареме загадочного восточного господина, он уверяет, что страстно влюблен и готов ради Маши забыть весь гарем. Но все это ложь, красивая восточная ложь! А что же правда? Неужели то, что хочет сказать этот русский мужчина, который, кажется, готов сложить за нее голову? Как быть, кому верить бедной юной вдовушке?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107762-4

Какая нега в тех домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где, под влиянием луны,
Все полно тайн, и тишины,
И вдохновений сладострастных!

А. Пушкин

— вообще я бы хотела быть черкешенкой, — вздохнула Наташа и ближе поднесла к лицу зеркальце в резной рамке.

Рамка была красоты изумительной: цветы, травы, неведомые буквы сплетались в чудесный узор, разбирать который можно часами — и все не надоест! — а ручка сделана в виде павлина. Рамка была деревянная, но казалась кружевной.

Большой искусник ее вырезал!

«Любопытно бы знать, откуда взялась у Наташи эта дивная вещица?» — сначала подумала Марья Романовна и только потом осознала, о чем, собственно, ведет речь ее кузина.

Уж на что Марья Романовна привыкла к причудам Наташи (все-таки они знали друг дружку с детства, уже безумно много лет), но досужие выдумки барышни Сосновской даже и ее порою приводили в ошеломление. А иногда раздражали. Вот как сейчас.

— Кем?! — изумилась Марья Романовна. — Кем ты хочешь быть?!

— Черкешенкой! — повторила Наташа с тем же мечтательным вздохом.

— Это еще почему?!

— У них томные черные глаза, более похожие на черные солнца!

— Твои пленительные очи светлее дня, темнее ночи? — спросила насмешница Марья Романовна, мигом вспомнив Пушкина. — Вокруг лилейного чела ты дважды косу обвила?

Наташа немедленно надулась, поскольку и очи у нее были отнюдь не темнее ночи, а самые обычные — светлые, ясные, голубые, и коса удалась не так чтобы очень... Сколько ни мазали Наташе голову репейным маслом, сколько ни чесали частыми гребнями из целебного палисандрового дерева, а коса расти нипочем не хотела, кудри не вились, а запукнуть¹ удавалось с

¹ Завить — от слова букли, то есть кудри, локоны (старин.).

превеликим трудом, щипцами сжигая; слабые тонкие пряди оставались скользкими, словно травинки, и вечно торчали из косы — никакими лентами не удержишь. «То ли дело — толстые и черные, словно змеи, косы черкешенок!» — подумала Наташа и снова мечтательно вздохнула.

— Знаешь ли ты, что черкешенки — самые красивые наложницы в гаремах? — продолжила она. — И дороже всего ценятся на невольничьих рынках? За них порою дают целое состояние!

— Кому? — с усмешкой спросила Марья Романовна.

— Что — кому?

— Ну, кому дают это самое состояние?

— Как это — кому? — Наташа посмотрела на кухню и старшую подругу, как на глупую дитя-тю. — Тому, кто эту черкешенку продает!

— Но ведь ей самой, бедняжке, ничего из этого состояния не достанется, верно? — Теперь уже Марья Романовна смотрела на кухню, словно на глупую дитя-тю. — Деньги получит продавец, а она, эта твоя черкешенка, будто крепостная девка, перейдет к новому хозяину, только и всего.

— Ты что?! — Наташа так возмутилась, что даже зеркальце отбросила. — Сравнила тоже! Девки для чего покупают? Белье мыть, полы скоблить, за скотиной ходить, детей господских

нянчить или на полях спину гнуть. А черкешенок... — И снова она испустила тот же протяжный завистливый вздох — на редкость дурацкий, по разумению Марьи Романовны. — Черкешенок — чтобы холить и лелеять их красоту, чтобы покупать для них самые драгоценные украшения, шелка и атласы, спелые фрукты и восточные сласти, чтобы им прислуживали покорные рабыни, а они бы только наслаждались жизнью и услаждали бы своего повелителя пением, танцами и игрой на лютне, или на чем они там играют?..

Марья Романовна воздела очи горе. Она была всего лишь на три года старше Наташи, однако иной раз ей казалось, что в эти три года между ними пролегла целая жизнь, за которую Маша привыкла, что ее называют Марьей Романовной или госпожой Любавиновой. Кузина Наташа Сосновская — пока что барышня на выданье, а Марья Романовна успела уже и замужем побывать, и даже овдоветь. Муж ее сложил голову на Кавказе, пал от черкесской пули, и, может быть, именно потому ей были противны и даже нестерпимы все эти нелепые бредни о черкешенках и их невероятных прелестях.

Какие там прелести?! Все это рассказы восторженных пиитов — и только заради красного

слова. Ленивые, жадные до сластей девки, косы свои как заплетут в детстве, так и не расплетают их, и не чешут. При этом черкешенки такие же злобные, как их мужья и братья — абреки, которые только и норовят горло перерезать зазевавшемуся русскому офицеру! И вообще, что значит — черкешенка? С легкой руки тех же краснословных пиитов, черкесами называют подряд все племена, населяющие Кавказ, а между тем среди них есть и грузины, и чечены, и осетины, и лезгины, и каждый их князек мнит себя повелителем всей земли, норовит то и дело затеять войну с соседом, как соплеменником, так и с русским, желая пограбить хорошенько побежденного и вырезать всякого, попавшего под лезвие его кинжала, но жить мирно да пристойно, к чему призывают русские, — нипочем не желают!

А что до гаремов магометанских... Ах, кабы они были только магометанскими! Марья Романовна (майор Любавинов женился на бесприданнице-сироте из-за красоты и молодости ее, пленившись Машею на благотворительном балу, где она скучала в киоске, продавая домашнее кружево) после свадьбы была привезена в мужнино имение, где всем заправлял его дядюшка, Нил Нилыч Порошин. И там-то она нагляделась на долю крепостных девок. Сама она выросла в

семье родственников, крепостных не имевших, и никак не могла взять в толк, как же это можно живых людей продавать и покупать, словно пару белья, или штуку материи, или столовые приборы, или книжки модного беллетриста. Однако Нил Нилыч Порошин, коему в имении была предоставлена полная власть, очень любил посещать торги, одних людей увозя, других — привозя, и в день таких торгов в имении стоял крик и вой матерей, которых разлучали с детьми, и жен, которые принуждены были прощаться с мужьями.

Длилось это до тех пор, покуда Марья Романовна не написала жалобное письмо мужу, после чего господину Порошину был дан строжайший приказ с людьми крепостными обращаться человечно и не бесчестить имени майора Любавинова званием сатрапа. Поворчав и затаив злобу на супругу племянникову (дворня же и крестьяне ей, напротив, руки целовали!), Нил Нилыч теперь торговал только девками и холостыми парнями. Особенно нравилось ему прикупать молодых красавиц, и Марья Романовна была наслышана о том, как приходится этим девушкам служить женонеистовому¹, сластолюбивому управляющему! Устроил он себе самый

¹ Похотливому (*старин.*).

настоящий гарем, даром что был отнюдь не магометанином.

Однако ни холить, ни лелеять девичью красоту, ни покупать для своих избраниц драгоценные украшения, шелка и атласы, спелые фрукты и восточные сласти Нил Нилыч и в мыслях не держал, потакая лишь своим мужским прихотям, закоренев в распутстве, а девушки и в самом деле должны были услаждать своего повелителя пением и плясками. Правда, обходились без игры на лютнях, но, верно, только лишь потому, что ни одной лютни в Любавинове не было, только балалайки велись, и умелых балалаечниц Нил Нилыч особенно жаловал своим расположением...

Ох, сколько всего навидалась Марья Романовна за год жизни в Любавинове! Даже и вообразить прежде не могла, что мужчины из общества могут быть такими неприглядными, да грубыми, да распутными. А слова поперек дядюшке молвить было никак нельзя, потому что он сам начинал попрекать Марью Романовну: отчего-де по сю пору порожня ходит, отчего не произведет на свет ребенка — наследника любавиновского рода?

А разве она виновата? Для сего муж нужен, а свет-Ванечка спустя менее месяца после свадьбы был отозван в полк. Писал нежные письма,

сулил вскоре прибыть в отпуск, однако не успел: сложил голову в схватке с абреками, оставил жену вдовой. В имении вновь полновластно воцарился и теперь делал, что ни взбредет в голову, Нил Нилыч. Марья Романовна же, как приехала в Любавиново с узелком, так из него и уехала, увезя с собой, как говорится, алтын денег да с чем в баню сходить.

Нет, про не с чем в баню — это лишь для красного словца молвится: средства на жизнь у нее теперь были, только дома Марья Романовна не имела своего. Она вполне могла не нахлебничать у родственников покойной матери своей, Сосновских, у коих жила до замужества, однако точно знала, что в Любавиново в жизни своей не воротится, покуда там властвует зловредный Нил Нилыч, который тиранит людей почище любого турка, а девок бесчестит поболее всякого магометанина.

Так что слушать бредни Наташины о гаремах — и где она только набралась такой ерунды?! — Марье Романовне было и смешно, и неприятно. И она не могла удержаться, чтобы не ехидничать, не задирать кузину. Обычно Наташа была обидчива, чуть что — и губы дула, и глаза у нее становились на мокром месте, и сама же торопилась сменить разговор, который для нее неприятно оборачивался, а тут смотри как

вцепилась в этот дурацкий гарем, в черкешенок этих, — и не свернешь!

— Когда это ты выучилась играть на лютне? — с язвительной улыбкой спросила Марья Романовна. — А также петь и плясать? Тебе же вроде бы медведюшко на ухо наступил. И, коли память мне не изменяет, ты даже в мазурке не могла двух шагов кряду верно сделать, а в вальсе у тебя после первых же «и-раз-два-три» голова начинала кружиться!

— Ничего! — сердито выкрикнула Наташа. — Будь я черкешенкой, я бы в два счета выучилась играть на лютне! А ты, Машка, меня только нарочно дразнишь! — И слезы, крупные, словно капли внезапного июльского ливня, так и покатались по ее румяным, что наливные яблочки, щекам.

Марья Романовна немедленно устыдилась своего злоязычия, ей стало жалко кузину, и она решила поговорить о чем-нибудь для барышни Сосновской приятно.

— Ты, Наташа, не гневайся, — сказала ласково и поцеловала ее в дрожащее от рыданий плечико. — Ты у нас невеста на выданье, тебе о женихе своем, об Александре Петровиче Казанцеве, думать надобно, а ты куда мыслями улетаешь?

Марья Романовна изо всех сил попыталась произнести это имя — Александр Петрович Казанцев — как можно более твердо и безразлично, хоть и сама почувствовала, как дрогнул ее голос.

Надо надеяться, Наташа ничего не заметила...

Прочь, прочь несбывшиеся девичьи мечтания, прочь, прочь прежние сны, которые не сбылись и никогда уже не сбудутся! Не для Марьи Романовны Любавиновой радости жизни, все для нее кончено: она вдова, она носит только серый цвет, что означает второй год траура, капор у нее черный, и вуаль, и рюши на платьях, и оторочка на рукавах, и перчатки, и ботинки тоже черные, а на другой год ходить ей в лиловом, и еще год пройдет, прежде чем можно ей будет глаза от земли поднять. А тем временем Казанцев Александр Петрович женится на Наташе Сосновской...

И правильно сделает! Наташа свежа, как розан, куда там какой-то бледной черкешенке с ее змеиными косами! Небось кабы посмотрел на нее султан турецкий, тотчас выбрал бы ее меж всех на свете черкешенок. Вот и Александр Петрович выбрал...

На что ему вдова Марья Романовна Любавинова, ворона неприглядная, у которой все лучшее позади? Теперь только и остается ждать, когда Господь милосердный ее приберет. Такому

красавцу и удалцу, как Казанцев, нужна молоденькая барышня с ясными, полными жизни глазами, с готовностью к счастью, которой лучится ее улыбка... и Наташа Сосновская для него наилучшая невеста!

— Да что ты заладила: Александр Петрович да Александр Петрович? — весьма досадливо вздохнула меж тем Наташа. — Разве это настоящий жених? Он на меня и не глядит. Помнишь, как твой Иван Николаевич, царство ему небесное, глаз с тебя не сводил да ухаживал за тобой? Букеты, конфеты дарил, воздыханья испускал томные... даже стихи писал, я же помню, ты мне почитать давала.

И Наташа прочла, слегка подвывая, ибо стихотворение было, возможно, не слишком уклюжее, зато весьма чувствительное:

Машенькая, душенька, счастье мое!
Страстно мечтаю взять сердце твое
В плен — и навеки им страстно владеть,
Песни любовные Машеньке петь...

Марья Романовна слегка покраснела. Она уважала память своего мужа, но стихи его предпочитала не вспоминать. Именно потому, что уважала его память...

— Вот это был жених, я понимаю! — продолжала Наташа, переводя дух. — А этот... а Алек-